

Но люди из Южного поселения пришли именно за братом Цун и А-Янем. А-Яня не было видно, вероятно, его уже уложил Ворон, и теперь он лежал где-то в куче соломы.

Таким образом, остался только брат Цун, и все взгляды людей из Южного поселения были направлены на него.

Их акцент был похож на акцент Ворона, и его было легко узнать.

Их лидер взглянул на брата Цун, улыбнулся и сказал:

— А-Лян, ты ещё не совершил кровавое жертвоприношение? Как так долго? Эта скотина всё ещё жива.

А-Да ответил:

— Жертвоприношение уже совершено, мы уже начали пить, как могли пропустить время? Всё было сделано по правилам.

— Тогда то, что они говорят, правда, — сказал лидер Южного поселения, подняв трость и указывая на брата Цун, с улыбкой, которая растянула морщины на его лице. — Ты прячешь демона, а демон пьёт твоё вино.

— Он не демон, он мой названный младший брат, — на этот раз А-Да просто поднял руку, чтобы прикрыть брата Цун, и велел ему отойти назад. — Я только что принял его несколько дней назад, не успел сообщить дяде.

— Названный младший брат?

Лидер снова повторил это с интересом, снова внимательно осмотрел брата Цун, затем покачал головой и нахмурился.

— А-Лян, ты неправ. Мой отец и моя невестка погибли из-за этих тварей. Сколько твоих земляков погибло от их рук? И ты взял эту тварь своим названным младшим братом?

— Это моё дело, — лицо А-Да тоже омрачилось, он сделал шаг вперёд, ещё решительнее встав перед братом Цун. — Это не требует обсуждения с дядей.

— Ты собираешься предать нас, — с сарказмом произнёс лидер Южного поселения, словно боясь, что другие не услышат, и повысил голос:

— Ты собираешься предать нас, А-Лян.

— Я не предаю, — сказал А-Да. — Дядя, ты говоришь такие вещи, чтобы спровоцировать конфликт.

— Я провоцирую? Ты позволил им дойти до нашего Южного поселения, и, возможно, это всё из-за твоего названного младшего брата.

Лидер усмехнулся.

— Я требовал, чтобы ты отдал их, но ты не отдал, и подрался со мной. Ты знаешь, что я старик, и не могу с тобой справиться. Ты несколько дней отлежался и снова в строю, продолжаешь свои маленькие планы. На этот раз ты предал наше Южное поселение, а в следующий раз кого ты предашь? Северное поселение твоей сестры? Или самое трудное — Чжунтугао?

Эти слова вызвали некоторое волнение среди деревенских жителей.

Но лицо А-Да не изменилось. Он глубоко вдохнул и сказал:

— Дядя, не говори глупостей. В нашем Западном поселении никогда не было предателей, все это знают. Если говорить о предательстве, то нам стоит поучиться у твоего Южного поселения. В начале прошлого года вы сделали то, что сами знаете, я—

— Ты хочешь вспомнить старые счёты?

Лидер Южного поселения грубо перебил его.

— Нет, — А-Да тоже остановился, снизив тон. — Я уже разобрался с дядей. Я просто не понимаю, зачем ты пришёл. Не знаю, ты пришёл выпить или просто посмотреть на меня.

А-Да дал ему возможность отступить, и лидер, похоже, принял это предложение.

На несколько секунд воцарилась напряжённая тишина, затем лидер снова улыбнулся и сказал, что пришёл посмотреть на тебя, проверить, не делаешь ли ты чего-то плохого. Если ты говоришь, что нет, то мне нечего сказать.

Сказав это, он начал кричать, чтобы его люди убрали свои мечи, и, казалось, собирался увести своих людей.

А-Да тоже подумал, что конфликт разрешён, и велел деревенским жителям продолжать пить и веселиться.

Но лидер, сделав два шага, внезапно вытащил изогнутую саблю из-за пояса.

Удар был быстрым и точным, направленным прямо на брата Цун, который всё ещё стоял на месте.

А-Да среагировал мгновенно. Ещё до того, как клинок коснулся брата Цун, он схватил лезвие.

Брат Цун испугался, на этот раз по-настоящему. Его спина мгновенно покрылась холодным потом, а рот открылся от изумления.

Клинок разрезал палец А-Да, и кровь потекла из раны. Лицо лидера Южного поселения изменилось, он нахмурился и попытался вытащить меч, но А-Да не отпустил.

Более того, другой рукой А-Да схватил запястье лидера. Он пристально посмотрел на этого морщинистого старика и, стиснув зубы, произнёс:

— Дядя, с учётом этого удара, ты нанёс мне уже три удара. Два за тех двух молодых парней, которые ошиблись в тот день, и один за моего названного младшего брата. Теперь мы действительно в расчёте, верно?

Когда они вернулись в комнату под утро, брат Цун очень хотел что-то сказать А-Да.

На самом деле он хотел сказать это сразу после того, как люди из Южного поселения ушли, но А-Да, похоже, не хотел общаться с ним при всех и сразу ушёл с Вороном и другими.

Брат Цун сделал пару шагов вслед, но двоюродный брат обернулся и бросил на него строгий взгляд, и он не решился продолжить.

Но А-Да всё равно должен был вернуться, ведь они жили в одной комнате. По какой-то причине в ту ночь брат Цун не думал о побеге, хотя он и не смог бы убежать, так как, стоило ему отойти чуть дальше, как за ним следили деревенские жители.

Они следили за ним до конца празднества, и только тогда кто-то подошёл и напомнил, что ему пора возвращаться. Они проводили его обратно.

Вернувшись в комнату, ему снова принесли большой чан с горячей водой, чтобы он мог принять тёплую ванну, а затем те, кто за ним присматривал, аккуратно надели на него кандалы.

Он немного посидел на кровати, прежде чем А-Да наконец вернулся.

Он, похоже, уже принял душ, так как его бинты были свежими. Этот праздник продолжался всю ночь, и уже начинало светать.

Ладонь А-Да не была перевязана, вероятно, из-за того, что он только что мылся. Теперь он снова достал бинты из шкафа, зажал их зубами и аккуратно начал перевязывать руку.

Брат Цун встал с кровати и подошёл к нему, кандалы звенели при каждом шаге.

В этот момент А-Да был одет в ватную куртку, а меховая накидка лежала рядом, на ней были видны пятна крови — то ли его собственной, то ли того погибшего солдата.

Вспомнив о том солдате, слова, которые брат Цун хотел сказать, снова застряли у него в горле. Он был благодарен А-Да за то, что тот защитил его от удара, но это не доказывало, что А-Да был прав.

Кроме того, если бы не А-Да, он бы не оказался здесь в качестве пленника, и всего этого бы не случилось.

Поэтому, после долгих раздумий, он сказал:

— Почему вы не хотите сдаться?

А-Да не поднял головы, продолжая перевязывать руку, и спросил:

— Сдаться кому?

— Пусть наши войска войдут сюда, и ни вам, ни нам не придётся проливать кровь. Ты ведь понимаешь это, — сказал брат Цун. — Эта война длится уже четыре года, с обеих сторон много погибших, в этом нет необходимости.

— Хм.

— Что значит «хм»?

Брат Цун был недоволен. Он откашлялся и продолжил:

— Эти солдаты тоже невиновны, как и ваши отцы и братья. Вместо того чтобы хватать их одного за другим и продолжать это безнадёжное сопротивление, почему бы не принять реальность и не позволить стране объединиться и стать цельной как можно быстрее?

— Хм.

Брат Цун ждал продолжения после этого «хм», но А-Да снова промолчал.

Это только усилило его раздражение. Он фыркнул, и его тон стал более резким:

— Вы никогда не видели внешнего мира, почему вы не хотите хотя бы попробовать? Ты понимаешь, как нам страшно снаружи? Мы считаем вас своими, хотим построить вам дома, проложить дороги, а вы обращаетесь с нами таким образом. Ты считаешь это правильным?

Брат Цун говорил всё более эмоционально, и слова, которые он слышал на школьных собраниях, снова всплыли в его голове. Он даже не понимал, почему, начав с благодарности А-Да, он теперь словно обвинял его.

А-Да не сразу ответил. Брат Цун ожидал, что он снова скажет «хм», но на этот раз А-Да поднял голову. Он подобрал слова, словно переключая язык, и через некоторое время заговорил.

Он сказал, что много лет назад правительство тоже так говорило.

— А где теперь эти люди?

— Это было старое правительство, оно ушло много лет назад, уже покинуло государство Ши, — брат Цун не мог сдержать смехок. Похоже, эти горные деревни действительно были отрезаны от мира, и А-Да всё ещё жил в сознании до переворота. — Старое правительство давно перестало существовать внутри государства Ши, а теперь их последний оплот — независимое государство Ин. Если ты этого не знаешь, я могу тебе рассказать—

— Я знаю, — перебил его А-Да, не отрывая взгляда от брата Цун. — А ты знаешь, что из-за точно таких же обещаний Кушань покинули пятьдесят тысяч человек? Пятьдесят тысяч пошли сражаться, а вернулись меньше пяти тысяч.

— Это было старое правительство, я повторяю, старое правительство уже—

|

<http://bllate.org/book/16300/1470126>